

своихъ, хотя и раздѣляемыхъ имъ мыслей: сначала это *Кружъ Чтенія*, изъ котораго вторичной перегонкой извлекается *Путь жизни*, впервые выходящій только теперь посмертнымъ изданіемъ. Это каноническія книги толстовства, его библія и катехизисъ. Но въ литературномъ отношеніи это сплошная мозаика.

Величественное зрѣлище самопожирания художественнаго генія исполнено непреходящаго религіознаго смысла. Но на этомъ пути аскезы, разъ вступилъ на него Толстой, по неумолимой логикѣ не предстояло-ли ему сдѣлать и послѣдній шагъ, который совершилъ, повидимому, Гоголь? не предстояло-ли ему, отрехшись отъ искусства, преодолѣть въ себѣ, наконецъ, и писателя вообще? Не приближался-ли Толстой въ концѣ своей долгой жизни къ послѣднимъ ея вершинамъ, когда молчаніе, уже одно только молчаніе, способно выражать тайну зрѣемаго и слышимаго почти на грани двухъ міровъ? Умолкнувшій Толстой въ этой нѣмотѣ своей даль бы потрясающее свидѣтельство свободы духа, и вмѣстѣ съ тѣмъ это, конечно, была бы для него высшая религіозная побѣда надъ собою, окончательное отсѣченіе той руки, которая дѣйствительно соблазняла его. И у него самого—я убѣжденъ въ этомъ—не могло не быть этого сознанія. Но этой побѣды надъ собой ему не дано было одержать, онъ до послѣднихъ дней такъ и остался „писателемъ“. Онъ не сломалъ своего пера, подобно Гоголю. Не помогъ ему въ этомъ и его „уходъ“.

Когда въ душѣ Толстого повелительно зазвучалъ, наконецъ, голосъ: *transcende te ipsum*,—превзойди себя, выйди изъ себя,—и онъ, внимая этому зову, рванулся изъ міра съ его соблазнами къ великой простотѣ и тишинѣ послѣдняго молчанія, онъ самъ оставилъ необрѣзанной одну нить, которая, можетъ быть, всего крѣпче и привязывала его къ „міру“, дѣлала его плѣнникомъ этого „міра“. А потому, когда „міръ“ погнался за нимъ, то онъ могъ найти его, держась именно за эту нить. И этой послѣдней нитью была не привязанность къ друзьямъ и семьѣ, естественная и трогательная, ибо надъ нею онъ уже одержалъ побѣду своимъ отъѣздомъ, и не старческая немощь, ибо она безсильна была погасить работу его духа, нѣтъ, это было непобѣжденное писательство, соблазнъ литературнаго учительства, тотъ самый, въ борьбѣ съ которымъ и былъ выдвинутъ весь арсеналъ опрощенія. А эмпирически это была положенная въ карманъ неоконченная